

С.В. Стахорский

Юродивый

Персонаж трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» (1825). Юродивыми на Руси называли блаженных, отказавшихся «Христа ради» от земных благ и ставших «печальниками» народными. Юродивые вели нищенский образ жизни, ходили в рубищах и обычно носили вериги. В период с XIV по XVI в. юродивые пользовались особым почитанием: многие из них были канонизированы как святые. Им приписывали дар провидения, под маской безумия они бесстрашно обличали сильных мира. Известно, например, что юродивый Никола Салос встретил Ивана Грозного и его войско на пути к Пскову и своими речами спас город от разорения. В «Истории государства Российского» Н. Карамзина рассказывается о Василии Блаженном, который «не щадил Грозного и с удивительной смелостью вопил на стогнах о жестоких делах его». Там же упоминается другой юродивый (имя его — Иоанн Блаженный), который, «ходя по улицам нагой в жестокие морозы <...>, торжественно злословил Бориса». Рассказ Карамзина о юродивых послужил Пушкину источником для создания своего образа юродивого.

В трагедии Юродивый, по имени Николка и по прозвищу Железный Колпак, появляется в одной лишь сцене: в семнадцатой картине — «Площадь перед собором в Москве». Вся роль Юродивого состоит из семи коротких реплик: диалогов со старухой, подавшей ему копеечку, с мальчишками, отнявшими эту копеечку, и, наконец, с Борисом Годуновым, у которого он просит защиты («Николку дети обижают») и наказания обидчиков: «Вели их зарезать, как зарезал ты маленького царевича». В словах этих нет разоблачения, делающего тайное явным. Юродивый повторяет то, что «уж не ново», о чем говорят все персонажи с первой сцены (диалога Шуйского и Воротынского: «Точно ль царевича сгубил Борис? — А кто же?»). Однако если в начале трагедии никто открыто «не смеет и напомнить о жребии несчастного младенца», то теперь обвинение произнесено прилюдно. Оно брошено в лицо Годунову. Для Бориса это действительно удар. Весть о Самозванце произвела в судьбе царя перелом, случайная встреча с Юродивым приблизила катастрофу (в античном понимании термина — как неизбежной развязки).

В системе образов трагедии существует сюжетная и символическая связь между Юродивым и Пименом, (Отмечено В. Непомнящим.) Оба персонажа появляются единожды, активно в событиях не участвуют, лишены (в отличие, скажем, от Шуйского) корыстных интересов. У них особая миссия — по словам В. Непомнящего, «миссия правды». Бориса мучает содеянное, но в его представлении это только «пятно единое» на совести, в остальном чистой. Противники Годунова усматривают в произошедшем жребий — счастливый сперва для Бориса, а теперь для них (предлог, чтобы «народ искусно волновать»). И только Пимен, а затем Юродивый осознают всю меру «ужасного злодейства», совершенного в Угличе. Оттого-то «нельзя молиться за царя Ирода». Деяние сугубо историческое (мало ли убийств происходило в борьбе за власть, тем более — высшую) осознается как вневременной грех, равный преступлению Ирода.

Работая над образом Юродивого, Пушкин стремился к реалистической достоверности и исторической точности. (Поэт просил Карамзина и Жуковского прислать ему житие какого-нибудь юродивого.) Между тем еще в период сочинения трагедии вокруг Юродивого образовалось поле аллюзийного напряжения. (Совет Жуковского: «...тебе надобно выехать в лицах юродивого»; ответ Пушкина: «Не пойти ли мне в юродивые, авось буду блаженнее». Примечательно суждение анонимного цензора (Ф. Булгарина?): слова о царе Ироде, «хотя не подлежат никаким толкам», могут быть неверно поняты публикой, не привыкшей, «чтобы каждый герой говорил своим языком».) В этом контексте возникает знаменитое признание Пушкина в том, что в трагедии, написанной «в хорошем

духе» (то есть без аллюзий), он «никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак Юродивого».

Созданный Пушкиным образ претерпел ряд изменений в опере М. Мусоргского «Борис Годунов» (1868–1872). Мусоргский почти дословно воспроизводит пушкинский текст. Однако между эпизодом с копеечкой и выходом Годунова звучит хор: «Хлеба!», исполненный горя и отчаяния. Тем самым сгущается трагическая атмосфера действия, устранен важный для Пушкина контрапункт «высокого» и «низкого», патетического и комического. Юродивый Мусоргского — бесспорный выразитель «мнения народного»: у Пушкина оно переменчиво и непостоянно. В трагедии Юродивый ни о чем не пророчесствует. В опере образ приобретает провиденциальное значение. Поэтому Юродивый появляется второй раз, в заключительной сцене, «Под Кромами». Он предсказывает «смутное время», льет слезы о душе православной: «Скоро враг придет, и настанет ночь. Горе, горе Руси тогда...» Плачем Юродивого опера Мусоргского заканчивается.

Сцена с Юродивым («У Василия Блаженного») была исключена композитором из последней редакции оперы, ее пропустил Н. Римский-Корсаков, когда заново оркестровал «Бориса Годунова». Впервые эта сцена вошла в представление оперы только в 1926 году. Первым исполнителем партии Юродивого стал И. Козловский, создавший один из самых грандиозных образов русской оперной сцены. Эту партию певец исполнял в течение сорока с лишним лет. Среди драматических актеров выделяется В. Яхонтов, игравший сцену с Юродивым на концертной эстраде.